

К 100-летию Ивана Матвеевича РОШОНКА

Максим ПАШИНИН

ВРАЧ и ХРИСТИАНИН

**Судьба доктора И. М. Рошонка
как пример жизненного пути
латвийского старовера
в XX веке**

Maksims PAŠIŅINS

ĀRSTS no DIEVA

**Ārsta Ivana Rošonoka liktenis
kā latvijas vecticībnieka dzīves
ceļa piemērs XX gadsimtā**

**Рига
Издание Рижской Гребенщицкой
старообрядческой общины
2011**

Пашинин М. Б.

Врач и христианин. Судьба доктора И. М. Рошонка как пример жизненного пути латвийского старовера в XX веке. Рига. Рижская Гребенщиковская старообрядческая община, 2011. с. 62. Фото.

Сие небольшое издание памяти доктора и старовера И. М. Рошонка является плодом творчества не только автора этой книги Пашина М. Б., в прошлом члена Совета РГСО, а ныне издателя и члена ЦС ДПЦЛ. Существенный вклад в ее создание внес известный латвийский журналист Виктор Авотыньш, который перевел ее на латышский язык. Глубоко личное и содержательное предисловие написал коренной рижанин о. Алексей Жилко.

Судьба И. М. Рошонка стала в какой-то степени и судьбой всего староверия Латвии.

Он знал и любил как русскую, так латышскую культуру, поэтому издатели сочли нужным выпустить эту книгу на двух языках.

Maksims Pašiņins.

Ārsts no Dieva. Ārsta Ivana Rošonoka liktenis kā Latvijas vecticībnieka dzīves ceļa piemērs XX gadsimtā. Rīga: Rīgas Grebensčikova vecticībnieku draudze, 2011. lpp. 62. Foto.

Перевод на латышский язык *Виктор Авотыньш*

Корректор *Борис Миролюбов*

Компьютерная верстка *Анна Снегирева*

Художник *Виктория Матисоне*

Фотографии из семейного архива *Мирдзы Рошонок*

© Максим Пашинин, 2011
© Виктор Авотыньш, 2011
© Рижская Гребенщиковская
старообрядческая община, 2011

Памяти Ивана Матвеевича Рошонка

С радостью и личным долгом поддержки отношусь к идее по выпуску памятной брошюры в честь 100-летия Ивана Матвеевича Рошонка. Мы с благодарностью должны, по возможности, помнить о всех наших выдающихся людях, которые, пусть каждый по-своему, сугубо лично, но всё же сообщая, своим житием и делами прославили Древлеправославную Поморскую Церковь. Доктор Иван Матвеевич Рошонок конкретно сделал этот духовный подвиг через путь тяжких страданий и постоянным служением в медицине на пользу людям. Он, несомненно, заслужил к себе всяческое уважение и память потомков.

Вера в Бога помогала ему справляться с жизненными невзгодами, вера в Бога должна спасти его для бесконечной жизни в будущем веке, о чём мы, живые, и молимся.

Покой, Господи, душу усопшего раба Своего **Иоанна!**

* * *

Лично с Иваном Матвеевичем был знаком очень мало. Запомнилось то, когда в 60-х годах был болен мой дедушка Сергей Георгиевич Иванов (муж маминной родной тётки), проживающий в своём доме в Задвинье, по ул. Лидеру 8-1, родственники приглашали «доктора Рошонка» для консультации и лечения. Это было, пожалуй, первое знакомство с доктором, которое больше походило не на личное, но на заочное знакомство. Той порой я был ещё незрелым юношей, не имеющим жизненного опыта, и не предавал большого значения личным контактам и отношениям. О нём, Иване Матвеевиче, родственники и знакомые говорили что «он недавно возвратился из ссылки».

Помню, что в больнице им. П. Страдыня в Риге, в кардиологическом отделении, у доктора был свой небольшой кабинет, заставленный лекарствами. По отзыву других лечащих врачей он был большим специалистом по расшифровке кардиограмм, на основании чего ставил безошибочные диагнозы больному.

Лично мне, а также моей близкой родне, не пришлось у него лечиться непосредственно. Но мне было известно, что он оказывал большую помощь в лечении причетников и батюшек в Рижской Гребенщиковской староверской общине.

И в этом вскоре мог убедиться сам, когда в 1963 году вступил в состав причетников Гребенщиковской общины. Правда, несколько позже я убедился и в том, что отношение к доктору в общине было далеко не однозначным.

Большим поклонником доктора Ивана Матвеевича был дядюшка моей жены – Артемона Львович Степанов. У Артемона Львовича была большая личная библиотека, состоящая из многого количества рукописных и старопечатных книг, а также много икон. Он многократное количество раз встречался с Иваном Матвеевичем, беседовали они на философские темы, на темы духовности и на темы современности. Оказывалось, что оба они были довольно близки во взглядах на политику, историю, на христианскую мораль и этику.

Но доктор всё же был человеком более светским, а Артемона Львович был человеком более продвинутом в духовной области. И по итогам разговоров «про жизнь», Иван Матвеевич признавался, что из подобного рода бесед он всегда открывал для себя очень много нового и интересного. А уж собеседником Артемона Львовича был отменным!

Но больше же, конечно, Иван Матвеевич встречался и беседовал с Иваном Никифоровичем Заволоко. Причём, в храме они встречались редко. Иван Никифорович, несмотря на трудности передвижения, больше приезжал на квартиру к Рошонку. А тем для воспоминаний и бесед у них было большое множество! Ведь оба они во многом имели сходную скорбную жизнь – оба были репрессированы, оба прошли сквозь адские муки лагерей и оба, в конце концов, остались живы, во многом, конечно, благодаря силе духа и силе своей веры.

Иван Матвеевич, несмотря на статус репрессированного, всё же не постеснялся, не счёл для себя зазорным стать членом Гребенщиковской об-

щины, или, как тогда говорили – членом «двадцатки». Ведь в то время была ещё реальная опасность из-за религиозных убеждений иметь неприятности по работе. К тому времени в «двадцатке» уже состоял и автор этих строк. И ответственно можно засвидетельствовать, что на годовых отчётных собраниях общины Иван Матвеевич выступал всегда, и всегда вносил деловые предложения по улучшению внутренней жизни общины, по облегчению ведения внутреннего хозяйства.

В 1981 году, осенью, после смерти А. Л. Степанова, в подарок доктору, на память об Артемоне Львовиче, была преподнесена старопечатная книга «Златоуст». Иван Матвеевич на день своего Ангела (13/26 ноября) отмечал свой юбилей – 70-летие жизни.

С прискорбием узнали мы все, что доктор Рошонок внезапно заболел. Не могу ничего сказать про точный диагноз болезни, но, по всей видимости, это был коварный менингит. Болел он где-то с месяц.

Мы, сотоварищи, по воле случая став организаторами похорон Ивана Матвеевича, со всей ответственностью отнеслись к порученному делу. Помню, народу на похоронах было большое количество. Большинство провожающих, естественно, составляли медики. Врачи и медперсонал были практически со всех лечащих учреждений Риги. Похоронили доктора в собственной ограде староверского кладбища на Большегорной улице.

*о. Алексей Жилко,
Председатель Центрального Совета
Древлеправославной Поморской Церкви Латвии.
Даугавпилс, 4 августа 2011 года*

Судьба доктора И. М. Рошонка как пример жизненного пути латвийского старовера в XX веке

История Старообрядческой церкви в первую очередь складывается из истории ее приходов, моленных, судебных наставников и причетников. Но также неотъемлемой частью ее истории являются судьбы представителей старообрядческой диаспоры, чья жизнь уже много столетий переплетена с историей Латвии.

Выбор личности доктора Рошонка как представителя старообрядческой диаспоры одновременно объективен и субъективен. Объективная сторона, надеюсь, станет ясна из последующего изложения. Субъективной причиной, отчасти, является то, что в 2011 году, 20 сентября, исполняется 100 лет со дня рождения Ивана Матвеевича. Также причиной является и то, что автор этих строк со школьных лет был дружен с семьей доктора Рошонка и когда-то, будучи еще очень юным молодым человеком, получил из рук Ивана Матвеевича Евангелие с мудрым советом обязательно прочитать эту книгу. Через многие годы этот совет имел конкретные «последствия»: Рижская Гребенщиковская община пригласила меня – уже выпускника Московского Историко-Архивного института создавать Старообрядческое издательство в Риге.

Журнал «Поморский вестник» уже установил хорошую традицию – раздел «Судьбы староверские», где публикуются старообрядческие родословные, материалы по истории староверских семей. В будущем этот проект может быть обобщен в теме «История старообрядческой диаспоры в Латвии».

Вы должны стать сильными и мудрыми

Предки Ивана Матвеевича Рошонка происходили из Белоруссии, изначально фамилия звучала как Рощенко. Известно из семейных преданий, что прадед Матвей начинал работать в Риге дворником на постоялом дворе, был рачительным и бережливым, вскоре купил лошадь и сам стал заниматься извозом. Его сын Степан приумножил состояние и уже

имел несколько лошадиных повозок, на которых работали наемные кучера и грузчики. Отец же Ивана Рошонка Матвей уже стал купцом Рижской гильдии, имел в Риге несколько домов и торговых заведений типа чайная-столовая. Мечтал купить себе большое сельскохозяйственное угодье, но разразилась 1-я Мировая война.

С юных лет маленький Ваня приучился каждое воскресенье ходить в моленную. Грамоте обучался, как и многие староверские дети, по азбуке и церковным книгам. В семье были еще дети, но два брата умерли во младенчестве, осталась сестра Зинаида. Когда Ивану было 11 лет и он учился еще в начальной школе, умер от тяжелой болезни отец. Матвей Степанович всей душой желал, чтобы сын получил хорошее образование и составил завещание таким образом, чтобы Иван смог выбиться в люди. Как рассказывала его мама, вначале Ваня учился плохо, его даже оставили на 2-ой год, но никто не мог понять – почему так происходит. Оказалось, у него было плохое зрение, и он не видел, что пишут на доске.

Когда же ситуация была исправлена, он проявил большую тягу к знаниям и учился хорошо. Во время учебы в Рижской русской правительственной гимназии (Ломоносовской) особое влияние на него оказал преподаватель Колосов (впоследствии член Латвийского Географического общества). По словам Ивана Матвеевича, он был врожденный педагог. Прививал ученикам любовь к книгам, разрешал пользоваться своей домашней библиотекой, учил конспектировать прочитанное, что в будущем Иван Матвеевич привык делать всю жизнь. Учитель Николай Иванович Колосов рассказывал правду ребятам о том, что тогда происходило в коммунистической России. По воспоминаниям Ивана Матвеевича, он говорил: «Латвия – место, где вы родились, она – ваша родина, а Россия – ваше отечество, и вы должны стараться стать сильными и умными, чтобы быть способными, когда понадобится, защищать как одну, так и другую».

В гимназию приходили православные священники, проводили занятия. Но учеников староверов не принуждали посещать новообрядческие службы. Все эти годы он посещал староверскую моленную.

В 1929 году Иван Рошонок закончил Русскую гимназию и на лето уехал в латышскую деревню, чтобы в совершенстве выучить латышский язык, чего он добился с успехом. Это помогло ему поступить на медицинский факультет Латвийского Университета.

Русский патриот в Латвии

Всю жизнь с благодарностью вспоминал Иван Матвеевич о Ломоносовской гимназии, восхищался уровнем преподавания предметов, организации учебного процесса. Большинство учеников, русские по происхождению или из смешанных браков, воспитывались быть патриотами Латвии, быть лояльными латышскому государству, но вместе с тем, воспитанники от души любили свою этническую родину – Россию.

Революция в России, свержение царя и установление коммунистической деспотии привели русский народ в состояние нищеты и угнетения. Так считали и преподаватели, и ученики гимназии. Здесь сформировались общественно-политические взгляды Ивана Матвеевича. Поэтому не удивительно, что вскоре после гимназии он и его друзья (как он вспоминал, у него было 5 сердечных друзей, один из них – Александр из знатного рода фабрикантов Кузнецовых) поступили в русское гимнастическое общество «Сокол», известное своими антибольшевистскими белогвардейскими взглядами.

Иван Рошонок увлеченно постигал медицинскую науку, в то время готовили врачей – универсалов. Врач должен был уметь делать все: и операции, и принимать роды, и назначать курс лечения. Он готовил себя быть врачом в Латгальском предместье Риги, где в основном проживала бедная часть населения, особо нуждающаяся в помощи. В то время в Университете преподавали многие известные медики, профессора из Медицинской Академии Санкт-Петербурга, в том числе знаменитый профессор Клименко.

Летом, во время каникул, Иван Рошонок вместе со своим другом, в будущем известным рентгенологом Владимиром Касинским, уезжали стажироваться в клиники Австрии для повышения уровня профессиональных знаний. В то же время студент Рошонок находил возможность и для путешествий с друзьями по Латвии. Увлекался фотографией. У родных сохранились замечательные по художественной и исторической ценности снимки латышских и русских деревень, колоритных персонажей, латвийской природы. Находил студент Рошонок время и силы для занятий спортивной греблей.

В 1934 году Иван Матвеевич успешно заканчивает Университет и становится врачом при Больничной кассе Московского предместья. Эта

работа требовала самоотверженности. Прием в родовом доме на улице Ерсикас порой длился с утра до ночи. Кругом жило много староверов и им он отказать не мог. Доктор Рошонок старался использовать народные средства: лекарственные травы, лечение пчелами, пиявками и т. д. Многие его рецепты стоили значительно дешевле, чем у других врачей. Вскоре доктор Рошонок обзаводится семьей, до войны рождаются две дочери: Ксения и Анастасия (названы в честь погибших дочерей Николая II).

Еще со времен учебы в Университете Иван Матвеевич вступил в студенческую корпорацию «Фратернитас Арктика» («Северное сияние»), она объединила студентов в некое братство, требовавшее от ее членов обязательной взаимоподдержки и соблюдения корпоративной этики. Обычно члены корпораций отличались тем, что их дружба и взаимовыручка сохранялась в течение всей жизни. Традиция уходила в историю средневековых университетских братств Италии.

Он спас многих

Членство в обществе «Сокол» и корпорации «Фратернитас Арктика» стали роковыми для доктора Рошонка. Их идеалы: «За Бога, царя и отечество» были несовместимы с новой реальностью. Тем более, что Иван Матвеевич никогда и не скрывал своих взглядов. После установления советской власти в Латвии он был арестован в июне 1941 года. Можно сказать, ему «повезло», он был одним из последних, кого отправили по этапу из Рижской Центральной тюрьмы. Началась война, немцы наступали, всех остальных заключенных расстреляли, они лежат ныне у Белого Креста на Первом Лесном кладбище. Из его друзей трое в 1944 году уехали на Запад (в том числе Александр Кузнецов), уехала и сестра Зинаида. Один погиб в Курляндии в рядах Латышского легиона, другой после пыток чекистов умер в сумасшедшем доме.

В застенках тюрьмы в городе Владивостоке Ивана Матвеевича обвинили в шпионаже в пользу Германии, били, чтобы называл сообщников. Чтобы избавиться от пыток, называл фамилии уже умерших людей. Так «повезло» еще раз: дали не «вышку», а 15 лет лагерей, статья 58, 1А.

Он был отправлен в особо секретный режимный лагерь Джезказган. Там царил голод и холод. От непосильного труда и истощения у Ивана Матвеевича начали опухать уже не только ноги, но и все тело. Как врач, он понимал, что осталось недолго. По его воспоминаниям настал момент, когда он уже внутренне попрощался с жизнью и буквально выполз из барака, чтобы в последний раз увидеть небо. И тут снова ангел-хранитель заступился за доктора Рошонка. Проходящий мимо зэк Янис Озолиньш буквально споткнулся об умирающего и с удивлением узнал в нем своего земляка Рошонка. Он привел его в санчасть и рассказал о том, что на зоне есть доктор.

В то время на зоне остро нужны были врачи, голод и болезни косили заключенных. Работа в медсанчасти спасла жизнь доктору Рошонку. Так же и он, будучи врачом, спас жизнь многим заключенным ГУЛАГа.

Впоследствии, доктор Рошонк рассказывал с улыбкой, что лагерь стал его «академией». Там, на зоне, он увидел цвет русской интеллигенции, людей, которых, наверное, он никогда бы в жизни не встретил. Там были профессор, академики, писатели, поэты, специалисты в разных областях знаний, которые, несмотря на каторжный труд продолжали интеллектуальное и духовное общение. Помогать и спасать товарищей по несчастью Иван Матвеевич считал своим долгом как врач и христианин. С некоторыми, кто выжил, остались друзьями на всю жизнь: это профессор биолог Василий Лаврентьевич Циопкало, знаменитый экономист профессор Марков, врач Будников, Николай Амосов, профессор Чижевский и другие.

Примечателен случай, который произошел с племянником известного русского писателя Владимира Набокова Платоном Набоковым. Уже будучи в другом спецлагере для политзаключенных (примерно с 1952 года), в Тайшете, в Сибири, Иван Матвеевич помог новопоступившему больному подольше остаться в санчасти, затем пристроил санитаром там же, тем самым спас ему жизнь. Их дружба, потом уже семьями, продолжалась многими десятилетиями.

Сердечный доктор

Но самым неожиданным подарком судьбы и ГУЛАГа уже на исходе срока заключения стала встреча доктора Рошонка с его будущей супругой.

Мирдза Авотыня попала в лагерь гораздо позже, после войны. Она была студенткой 2-го курса медицинского факультета Латвийского Университета, входила в группу радикальной молодежи – противников советской власти. Ее арестовали в 1947 году. Прокурор требовал смертной казни, но поскольку ей было всего 19 лет, дали всего 10 лет. Дальше лагеря, лесоповал.

После 1953 года, когда умер Сталин, жестокость режима несколько ослабла, стали лучше кормить. Но появилась другая беда – болезни, кишечный энтеровирус. Требовались врачи. Поскольку после войны не хватало рабочей силы, зэков стали лечить. В 1954 году в Тайшетском лагере был устроен семинар по борьбе с энтеровирусом. Там Мирдза Авотыня узнала о докторе из Риги. Их встреча объединила их судьбы. Вскоре Иван Матвеевич добился, чтобы М. Авотыня была переведена в его больницу как медсестра. В 1955 году вышел указ об освобождении Мирдзы, но ГУЛАГ еще 2 года не отпускал доктора Рошонка, хотя он жил уже на поселении, заменить его как специалиста (главврач больницы на 1000 коек) было не кем. Даже в 1956 году не отпустили на похороны любимой матери.

Наконец, 1957 год стал долгожданным годом освобождения. Иван Матвеевич вернулся в Ригу в телогрейке, с деревянной ложкой и щенком Джеком, сибирской лайкой. На руках были часы с сибирским временем (7 часов разницы), которые он не переводил всю оставшуюся жизнь.

Вскоре доктор Рошонк создал новую семью, и в счастливом браке родились дочка Татьяна и сын Петр, крещенные в Рижской Гребенчиковской общине.

Первоначально, по личному требованию министра здравоохранения, доктора Рошонка собирались отправить подальше в провинцию. Но за него заступился известный врач, профессор Страдынь и, вскоре, Иван Матвеевич стал крупнейшим специалистом кардиологом-ревматологом в больнице Страдыня. Но как бы ни рос его опыт и знание, он никогда не поддавался рутине, не позволял себе формально, небрежно относиться ни к кому. Миссия врача была для него частью христианского долга.

Вот что писала ему пациентка из Лиепай в 1969 году: «Не знаю почему, но, находясь в 26-м отделении, у меня было такое чувство защищенности, будто со мной ничего не может случиться. Все-таки – какое большое значение имеет то, если ты видишь самоотверженность врачей, их жертвенность и порой даже любовь к больному. Особенно это относится к Вам. Потому что в 26-м отделении я видела и знаю, как вы заботитесь о своих больных – лишь бы им было хорошо, и они выздоровели. Я настолько верю в Вас, что не представляю для себя другого врача. Конечно, это слишком эгоистичная мысль, потому что на вас рассчитывают более тяжкие больные, чем я. Неправда, что у вас «черствое» сердце, как Вы сказали мне, когда я еще лежала на столе после установки сердечного ритма. У вас, доктор, чудесное, понимающее сердце, которое сочувствует любому страждущему. Я о Вас много хорошего слышала уже в Лиепайе, но не думала, что когда-то попаду к вам. Все-таки у меня и в несчастье оказалось счастье».

На месте своего отца

Он был врачом от Бога, это признавали и те, кто разделял его убеждения, и те, кто был его ярким противником. Доктор Рошонок очень уважительно относился к медперсоналу, ценил нелегкий труд медсестер. Для него не существовал регламент рабочего дня, тяжелых больных он контролировал и среди ночи.

Другой особенностью доктора был интерес к другим различным областям медицины, в том числе: к восточной дыхательной гимнастике, лечению голодом и т. д. В первую очередь все эксперименты он проводил на себе.

Иван Матвеевич, пройдя испытания сталинских лагерей, не боялся высказывать своих убеждений. В доме Рошонков можно было обсуждать любые темы. Читали рассказы Шаламова о ГУЛАГе, по ночам передавали друг другу страницы, потому что машинописный текст давали только на одну ночь. На письменном столе стоял портрет Солженицына. В красном углу, как положено, была родительская икона с лампадой.

Доктору Рошонку часто приходилось выезжать по ночам в спецбольницу для коммунистов – ветеранов по срочному вызову. Он не отказывал,

помогал всем, независимо от убеждений и национальности. Приходилось лечить и партийных бонз, и их родню, членов ЦК КПЛ Латвии – в том числе Рубениса и других. Но это давало ему внутреннюю свободу, он мог не бояться репрессий.

В тайне от семьи, дабы не боялись за последствия, участвовал в сборе пожертвований в помощь академику Сахарову, когда тот попал в ссылку.

В архиве И. М. Рошонка сохранилась часть переписки с известным биологом и генетиком, профессором Любищевым, опальным в те годы последователем академика Вавилова, который боролся с лысенковщиной и деградацией селекционной науки. Поражает круг интересов двух друзей: это и генетика, и проблемы истории Древнего Новгорода, философия Тейяра де Шардена, анализ творчества Сервантеса, и, конечно, проблемы современного общества. То были недолгие годы хрущевской оттепели.

Казалось, дверь в дом Рошонков никогда не закрывалась, здесь всегда можно было встретить представителей как русской, так и латышской интеллигенции, зачастую противоположных взглядов. В этом доме гостили известные светила латвийской медицины: профессор Богоявленский, профессор Ильинский, нередко сам Иван Матвеевич гостил у профессора Страдыня, дружил с семьей профессора Рудзитиса – список может быть очень долгим.

Но, конечно, гостили и староверы. С конца 1970-х годов Иван Матвеевич становится членом двадцатки Рижской Гребенщиковской общины, в советское время это была дополнительная ответственность и нагрузка. Вместе с детьми он ходил на службы, у каждого было свое место в храме. Старался помогать всем болящим. В шутку его называли личным врачом Гребенщиковской общины. Долгие годы хорошие отношения его связывали с настоятелем РГСО отцом Лаврентием Силовичем Михайловым и с Иваном Никофоровичем Заволоко – последний особо нуждался во врачебной помощи.

Но, наверное, самым частым гостем у Рошонков был Петр Иванович Алексеев, старейший прихожанин и причетник Гребенщиковского храма, неисчерпаемый кладезь историй и рассказов о старообрядчестве и о самых разных областях истории. Их объединяла любовь к своей Церкви, к истории, к книгам.

Великолепный врач Иван Матвеевич был талантлив также своим бескорыстием и своей верой. Среди писем в семье хранится и его письмо

сыну Петру: «Мой сын! Мой единственный, самый лучший, со всеми Твоими фокусами, которого не променяю на самого лучшего без фокусов!.. Спасибо за то, что вместе со мной стоишь на том месте (в храме – В.), где стоял мой отец, а Твой дед. Спасибо, что крестишься широким, размашистым крестом, тем крестом, каким крестились и крестятся русские уже 1000 лет, тем крестом, который помогал нашему народу вынести и княжеские междоусобицы, и татарское иго, выгнать с нашей земли и турок, и поляков, и немцев, и шведов, и французов; помогал снести крепостное право и революцию, уничтожившую лучших людей с обеих сторон, и раскулачивание, уничтожившее русского крестьянина, и ужасы мясорубки, устроенной кликой атиллы 20-го века, «отцом, вождем и учителем». Какое чувство гордости в душе у меня и какая радость в душе стоящих в храме, когда Ты, взойдя на клирос, крестишься как положено и кладешь свечу к иконе за счастье всех людей на свете. Я Тебе показал икону Николы Чудотворца, кому ставлю свечу за себя, Божьей Матери – за нашу семью и Христу – за наших, ушедших от нас близких».

К сожалению, сын Петр умер в расцвете лет (1961–1996). Но род не прервался, остались дочери, внуки, правнуки.

Вечная память

Иван Матвеевич всегда много работал, и, как казалось, был неутомим, но неожиданная тяжелая болезнь прервала его земное существование на 72 году жизни. 28 января 1982 года доктора Рошонка не стало. Погребение совершил отец Лаврентий Михайлов в Гребенщиковской моленной, похоронили Ивана Матвеевича на Ивановском кладбище.

Прошедшие почти 30 лет не стерли память о нем не только среди родных и близких, но и среди всего Рижского староверия. В судьбе доктора Рошонка преломились основные вехи жизни как староверов, так и всего латвийского народа в XX веке. Это подъем, возмужание и становление периода Первой республики, испытания времен 2-й Мировой войны и сталинских лагерей. И последующее постепенное возрождение и стремление дать пользу людям, несмотря на суровый пресс советской эпохи. Личность доктора Рошонка интересна в первую очередь тем, что в нем гармонично и естественно сочетались любовь к своей Церкви и далекой

отчизне – России, а также любовь к своей многострадальной родине – Латвии. И что очень важно, эта любовь никогда не провозглашалась, не была декларативна, она была сутью его жизни.

Иван Матвеевич всегда верил, что справедливость восторжествует, и Латвия снова обретет независимость. В разговорах с родными признавался, что есть у него заветная мечта, если 1-ая Республика восстановится, то ему хотелось бы стать послом Латвии в России... Но и другая мечта была у доктора Рошонка в последние годы – оставить поприще и поступить на клирос в Гребенщиковский храм, но, увы, этому не суждено было сбыться.

В заключение хочу сердечно поблагодарить родных И. М. Рошонка, в первую очередь Мирдзу Петровну за предоставленные материалы, без которых невозможно было бы написание данной статьи.

*Максим Пашинин,
член Центрального Совета Древлеправославной
Поморской Церкви Латвии, главный редактор
старообрядческого издательства «Третий Рим»*

Семейный альбом

В семье Рошонков сохранилось несколько альбомов с фотографиями родных и близких за разные годы. Часть из них сугубо личные, как в любой семье. Но значительное количество снимков, особенно сделанные во времена Первой республики являются своеобразной визуальной летописью, историческим источником, передающим не только панорамы, архитектуру, портреты, быт той эпохи, но и сам дух времени.

Особенно замечательны и колоритны сюжеты снятые во время путешествий будущего доктора по деревням Видземе и Латгалии. Портреты и бытовые сценки, родные, друзья, коллеги по университету, обществу «Сокол» – все это часть истории латвийского общества. Чудом сохранившиеся фотографии лагерной жизни – тоже свидетели тех времен и испытаний.

Увлечение фотографией, технически довольно таки непростое в те времена (в отличие от современной цифровой техники) говорит о том, что Ивану Матвеевичу была дорога историческая память его Родины, он ценил и любил как красоту ее пейзажей, так самобытность и колорит ее жителей.

Здесь нет пафосных фотографий дней рождения, свадеб и официальных праздников, но есть повседневная и реальная жизнь современников со всеми ее радостями и бедами. Пересматривая этот альбом старых снимков, ловишь себя на ощущении, как будто смотришь в окно, открытое в ту жизнь, в ту эпоху...

Ģimenes albūms

Rošonoku ģimene glabā vairākus albūmus ar tuvinieku fotogrāfijām. Kā ikvienā ģimenē daļa no tām ir dziļi personiskas. Taču daudzi uzņēmumi, it sevišķi tie, kas veidoti Pirmās republikas laikā ir savdabīgas vizuālas hronikas. Vēsturisks avots, kurā skatāmas ne vien panorāmas, arhitektūra, portreti, tā laika sadzīve, bet arī pats laikmeta gars.

Īpaši izcili un kolorīti ir sižeti, kas tapuši laikā, kad nākamais ārsts apceļoja Vidzemes un Latgales ciemus. Portreti un sadzīves ainas, tuvinieki, draugi, universitātes un biedrības “Sokol” kolēģi – tā ir daļa no Latvijas sabiedrības vēstures. Brīnumainā kārtā saglabājušās lēģera dzīves fotogrāfijas arī ir tolaik pārdzīvotā liecība.

Aizraušanās ar fotografēšanu, kas tolaik nebija tehniski tik vienkārša, kā mūsdienās – ciparu tehnikas laikmetā, liecina par to, ka ārstam Ivanam Rošonokam šķita nozīmīga viņa Dzimtenes vēsturiskā atmiņa. Viņš turēja augstu, viņš mīlēja gan tās ainavu skaistumu, gan arī tās cilvēku savdabīgumu un kolorītu.

Te nav efektīgu dzimšanas dienu, kāzu un oficiālu svētku uzņēmumu, toties ir reāla, ikdienišķa laikabiedru dzīve ar visiem tās priekiem un likstām. Pārlūkojot šos uzņēmumus, rodas sajūta, it kā tu skaties pa logu tajā dzīvē, tajā laikmetā...

Иван Матвеевич Рошонок (1911-1982), фото 1956 г.

Ivans Rošonoks (1911-1982)

Иван Матвеевич в десятилетнем возрасте с сестрой
Зинаидой и матерью Ксенией Евстафьевной
Desmitgadīgais Ivans ar māsu Zinaīdu un māti Kseniju

Семейное чаепитие
Tējas dzeršana radu pulkā

Дети изучают азбуку по церковным книгам. Иван – третий слева
Bērni mācās ābeci no baznīcas grāmatām. Trešais no kreisās – Ivans

Выпускной класс Русской правительственной (Ломоносовской) гимназии. 1929 год. В верхнем ряду пятый слева – Иван Рошонок

Lomonosova ģimnāzijas 1929. gada izlaiduma klase.
Augšējā rindā piektais no kreisās – Ivans Rošonoks

Занятия в гимнастическом обществе «Сокол»
Nodarbības vingrošanas biedrībā "Russkij sokol"

Профессор, преподаватель и ректор
Латвийского университета Мартиньш
Приманис. Под его руководством
начинал свой путь студент и
молодой врач Иван Рошонок

Profesors, Latvijas universitātes
pasniedzējs un rektors Mārtiņš Prīmanis.
Viņa vadībā uzsāka savu ceļu students
un jaunais ārsts Ivans Rošonoks

На лекции профессора Мартиньша Приманиса в Рижском
анатомикуме. В первом ряду шестой слева – Иван Рошонок

Profesora Mārtiņa Prīmaņa lekcija Rīgas anatomikumā.
Pirmajā rindā sestais no kreisās – Ivans Rošonoks

Молодые врачи со своими наставниками – руководством кафедры
внутренней медицины Латвийского университета. Кафедру
возглавлял профессор Василий Николаевич Клименко (сидит).
Доктор Рошонок – первый слева

Jaunie ārsti ar saviem audzinātājiem – Latvijas Universitātes
Iekšējās medicīnas katedras mācībspēkiem.
Katedras vadītājs – profesors Vasiļs Kļimenko (sēž).
Pirmais no kreisās – ārsts Rošonoks

После вступления в русскую студенческую корпорацию
«Fraternitas Arctica» («Северное сияние»).

Иван Рошонок – шестой слева в третьем ряду

Pēc uzņemšanas krievu studentu korporācijā “Fraternitas Arctica”.

Ivans Rošonoks – trešajā rindā sestais no kreisās

Студент Иван Рошонок летние каникулы посвящал познанию
тонкостей латышского языка. Для этого ездил в Вецпиебалгу

Vasaras brīvdienās students Rošonoks, lai perfekti
apgūtu latviešu valodu, devās uz Vecpiebalgu

На сельских работах во время каникул

Lauku darbos brīvdienās

На летних работах в Вецпиебалге

Vasaras darbos Vecpiebalgā

Выпуск 1934 года медицинского факультета Латвийского университета. Второй слева в верхнем ряду – врач Иван Рошонок
 Latvijas Universitātes Medicīnas fakultātes 1934. gada izlaidums

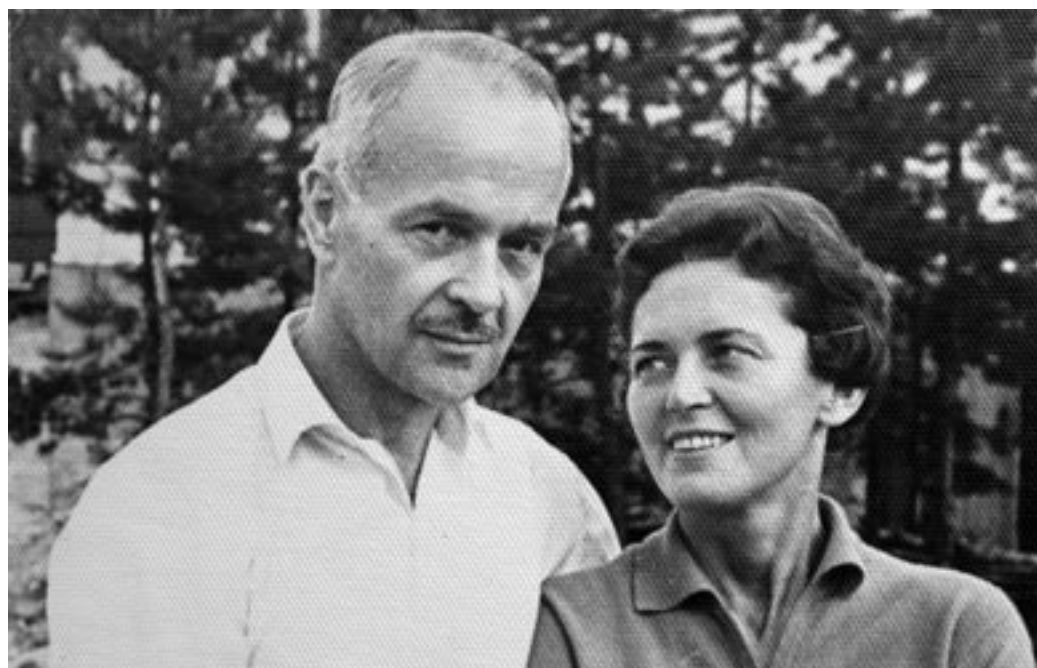
Молодой врач Иван Рошонок занимался исследовательской работой, сам проводил лабораторные исследования.
 До ареста опубликовал несколько научных работ

Jaunais ārsts Ivans Rošonoks nodarbojās ar pētniecisko darbu, pats veica laboratorijas izmeklējumus. Līdz arestam viņam bija jau vairākas zinātniskas publikācijas

Фотография из дела заключенного Ивана Матвеевича Рошонка. 1941 год

Fotogrāfija no ieslodzītā Ivana Rošonoka lietas. 1941. gads

С женой Мирдзой, которая десять лет тоже
была заключенной Тайшетлага

Ar sievu Mirdzu, kura desmit gadus arī bija Taišetlaga ieslodzītā

Семья Рошонков в 1966 году. Иван Матвеевич – врач-
ревматолог, сын Петр (пять лет), дочь Татьяна (девять
лет), жена Мирдза Петровна – врач-онколог

Rošonoku ģimene 1966. gadā. Tēvs Ivans – ārsts reimatologs, dēls
Pēteris (pieci gadi), meita Tatjana (deviņi gadi), māte Mirdza – ārste onkoloģe

13.5.76. Незнато каму байше пиши - Тебе
или самаду себе; читало "Зеркало
Принца" Айрис Мердок (правда -
- в трагедиях, трагедия - так
кто умудрился зайти в трагедии
второй и (слезай) - и оглядываются
на прожитую жизнь, на "все
сезн те, что прожито", на радости
и страсти, которые ты пережил
в этой жизни, понимая, какими
"мехами некорректными" себя веду
по отношению к тебе и матери и
Гайде и насколько новую жизнь.
Какая? А такую, какую Эвгений
советует уже в сорок лет:
"обзавести жанду неслатенно",
оседеть и воздвигнуть цивилизацию
времен жары. Все же сбалансировать
регулярно заняв ритуалом,
отбросив физзарядку, в постях
да и дома не сдерживать себя
ни в еде, ни в горячительных
напитках, не во время наружной

Одно из писем Ивана Матвеевича

Viena no viņa vēstulēm

Мирдза Петровна в день получения диплома врача.
Рядом родственница, учитель Гайда Тротите

Mirdza Rošonoka dienā, kad saņēmts ārstes diploms.
Blakus radiniece, skolotāja Gaida Trotīte

Иван Матвеевич с дочерьми Анастасией,
Татьяной и сыном Анастасии Виктором
Ar meitām Anastasiju, Tatjanu un Anastasijas dēlu Viktoru

За научной работой
Zinātniskajā darbā

Дочь Ксения
Meita Ksenija

Притч и члены «двадцатки» Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, 1972 г.

В первом ряду слева: Рошонок Иван Матвеевич

Rīgas Grebenščikova veticībnieku draudzes klēra un “divdesmitnieka” locekļi. 1979. gads. Pirmajā rindā pirmais no kreisās – Ivans Rošonoks

Семья Рошонков в семидесятые годы: жена Мирдза Петровна, сын Петр и дочь Татьяна

Rošonoku ģimene septiņdesmitajos gados. Sieva Mirdza, dēls Pēteris un meita Tatjana

За самоваром. Доктор Рошонок любил чай, редко кто умел его так заваривать! Это одна из последних фотографий Ивана Матвеевича

Tēja ar patvāri. Dakteris Rošonoks ļoti mīlēja tēju un prata to ievārīt kā reti kurš. Šī ir viena pēdējām fotogrāfijām viņa dzīves laikā

С восхищением и любовью... (Из семейного альбома)

В юности Иван Рошонок много путешествовал по Латвии, нередко вместе с известным ученым, краеведом Юрием Новоселовым. Посещали староверские деревни Латгалии, восхищались русским народным искусством, ремеслом, бытом, фотографировали людей, природу. В семейном альбоме Рошонков хранятся фотографии сделанные ими.

Похороны И. М. Рошонка 1982 г.
Малый храм Рижской Гребенщиковской старообрядческой
общины, Псалтырь по усопшему читает П. И. Алексеев
Ivana Rošonoka bēres Rīgas Grebensčikova vecticībnieku draudzes
Mazajā baznīcā. 1982. gads. Psalmus aizgājējam lasa Pēteris Aleksejevs

Ar sajūsmu un mīlestību (no ģimenes albūma)

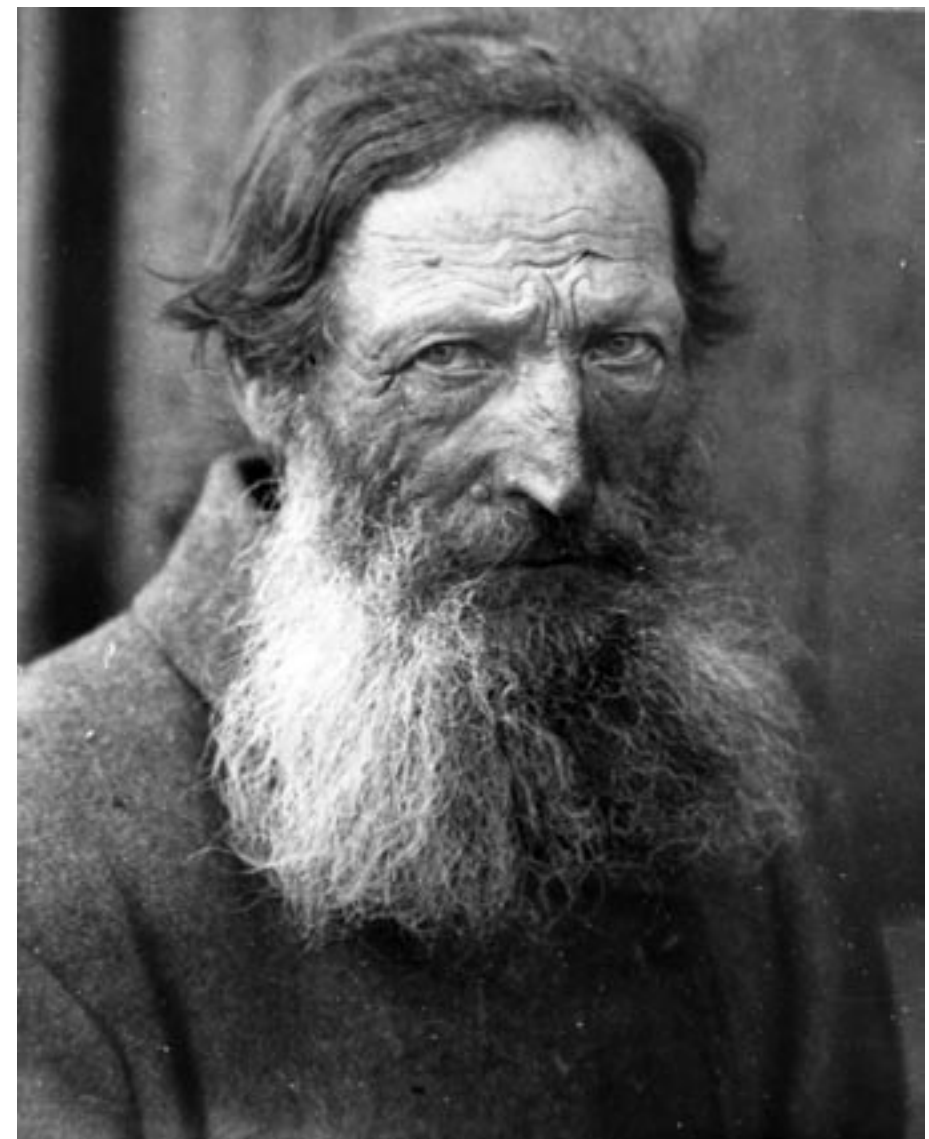
Jaunībā Ivans Rošonoks bieži apceļoja Latviju. Nereti – kopā ar pazīstamo zinātnieku, novadpētnieku Juriju Novosjlovu. Viņi apmeklēja vecticībnieku ciemus Latgalē, apbrīvoja krievu tautas mākslu, amatus, sadzīvi, fotografēja cilvēkus, dabu. Rošonoku ģimenes albūmā glabājas viņu abu uzņemtās fotogrāfijas.

Ivana Rošonoka piemiņai

Ar prieku un personiska atbalsta pienākumu uztveru ideju – laist klajā piemiņas brošūru par godu Ivana Matvejeviča Rošonoka simtgadei. Mums ar pateicību un cik vien tas iespējams jātur piemiņā visi mūsu izcilie cilvēki, kuri, lai arī katrs pa savam, katrs izteikti personiski, bet tomēr visi kopā ar savu dzīvi un saviem darbiem ir cēlušies godā Vecticībnieku Pomoras Baznīcu. Ārsts Ivans Matvejevičs Rošonoks veica šo garīgo varoņdarbu ejot smagu ciešanu un nerimtas kalpošanas medicīnai cilvēku labad ceļu. Viņš neapšaubāmi ir pelnījis pēcteču piemiņu un vislielāko cieņu.

Ticība Dievam palīdzēja viņam pārvarēt dzīves likstas, ticībai Dievam jāglābj viņš bezgalīgai dzīvei nākamā laikmetā, par ko mēs, dzīvie, lūdzamies.

Kungs, mierini sava aizgājušā kalpa Ioanna dvēseli!

* * *

Personiski man ārsts Ivans Rošonoks bija mazpazīstams. Atceros vien, ka sešdesmitajos gados, kad Pārdaugavā, savā mājā Līderu ielā 8-1 saslima vectēvs, mātes tantes vīrs Sergejs Ivanovs, radinieki aicināja “dakteri Rošonoku” viņu konsultēt un ārstēt. Tā, šķiet, bija mana pirmā, ne tik daudz personiska, cik neklātienes, iepazīšanās ar dakteri. Tolaik es biju vēl nenobriedis jauneklis, kuram nebija dzīves pieredzes un kurš nepievērsa lielu uzmanību personiskajai saskarei un attiecībām. Par viņu, par Ivanu Rošonoku, radinieki un paziņas runāja: “viņš nesen atgriezās no izsūtījuma”.

Atceros, ka Paula Stradiņa slimnīcas kardioloģijas nodaļā viņam bija savs, neliels, ar zālēm piekrauts kabinets. Citi ārstējošie ārsti viņu uzteica kā lielu kardiogrammu atšifrēšanas speciālistu. Pateicoties tam slimnieki saņēma precīzas, nekļūdīgas diagnozes.

Personiski ne man, ne arī maniem tuviem radiem tieši pie viņa ārstēties neiznāca. Taču es zināju, ka viņš daudz līdzēja Grebenščikova vecticībnieku draudzes klēra locekļu un garīgo tēvu ārstēšanā.

Par to es varēju pārliecināties pats, kad 1963. gadā kļuva par Grebenščikova draudzes klēra locekli. Tiesa, nedaudz vēlāk es pārliecinājos arī par to, ka atteikums pret dakteri draudzē ne tuvu nav viennozīmīga.

Liels daktera Ivana Rošonoka piekritējs bija manas sievas tēvocis Artemons Stepanovs. Artemonam Ļvovičam bija liela personiskā bibliotēka, kurā bija daudz rokrakstu, daudz vecās drukas grāmatu un arī svētbilžu. Viņi ar Ivanu Matvejeviču daudzkārt tikās, sarunājās par filozofiskām, garīgām un arī mūsdienīgām tēmām. Izrādījās, ka viņiem ir visai tuvi uzskati par politiku, vēsturi, kristīgo morāli un ētiku.

Kamēr dakteris bija vairāk laicīgs cilvēks, Artemons Ļvovičs vairāk bija iespējis garīgā jomā. Un pēc viņu sarunām “par dzīvi” Ivans Matvejevičs atzina, ka allaž atklājis sev daudz jauna un interesanta. Sarunu biedrs Artemons Ļvovičs bija izcils!

Protams, biežāk Ivans Matvejevičs tikās un runāja ar Ivanu Nikiforoviču Zavoloko. Turklāt – dievnamā viņi tikās reti. Ivans Nikiforovičs, neraugoties uz to, ka viņam bija grūti pārvietoties, vairāk viesojās Rošonoku dzīvoklī. Tēmu un atmiņu, kuras pārcilāt, viņiem bija pārpārēm! Jo abu smagās dzīves daudzējādā ziņā bija līdzīgas – abi tika represēti, abi izgāja lēģeru elles mokas un abi, protams, lielā mērā pateicoties gara un savas ticības spēkam, palika dzīvi.

Ivans Rošonoks, neraugoties uz represētā statusu, tomēr nevairījās, neuzskatīja sev par nepieņemamu kļūt par Grebenščikova draudzes, vai kā mēs tad sacījām – “divdesmitnieka”, locekli. Tolaik vēl pastāvēja reāla iespēja piedzīvot nepatīkšanas darbā reliģiskās pārliecības dēļ. Tolaik “divdesmitnieka” loceklis bija arī šo rindu autors. Un varu atbildīgi vēstīt, ka gada atskaite sapulcēs Ivans Matvejevičs uzstājās vienmēr un vienmēr viņam bija lietīšķi priekšlikumi draudzes iekšējās dzīves uzlabošanai un iekšējās saimniekošanas atvieglošanai.

1981. gadā, pēc A.Stepanova nāves, dakterim, atmiņai par Artemonu Ļvoviču, tika uzdāvināta vecās drukas grāmata “Zlatoust”. Togad Ivans Matvejevičs sava Eņģeļa dienā (13/26 novembrī) svinēja savu septiņdesmito dzimšanas dienu.

Ar nožēlu uzzinājām, ka dakteris Rošonoks pēkšņi saslimis. Nemāku teikt precīzu viņa slimības diagnozi, taču, acīmredzot, tas bija ļaunais meningīts. Slimība viņš kādu mēnesi.

Mēs, viņa līdzbiedri, kļuvām par Ivana Matvejeviča bērnu organizatoriem. Mēs uzņēmāmies šo pienākumu ar vislielāko atbildību. Atceros, ka bērēs bija milzums ļaužu. Protams, vairums pavadītāju bija mediķi. Ārsti un medicīnas personāls praktiski no visām Rīgas ārstniecības iestādēm. Apglabājām dakteri viņa dzimtas kapa vietā vecticībnieku kapos Lielajā Kalnu ielā.

*tēvs Aleksijs Žilko,
Latvijas Vecticībnieku Pomoras Baznīcas
Centrālās padomes priekšsēdētājs.
Daugavpīlī, 2011. gada 4. augustā*

Ārsta Ivana Rošonoka (1911.–1982.) liktenis kā Latvijas vecticībnieka dzīves ceļa piemērs XX gadsimtā

Vecticībnieku baznīcas vēsturi pirmām kārtām veido tās draudžu, lūgšanu namu, garīgo tēvu un ķesteru likteņu vēsture. Taču neatņemama šīs vēstures daļa ir arī vecticībnieku diasporas pārstāvju likteņi. Viņu dzīve jau daudzus gadsimtus saistīta ar Latvijas vēsturi.

Tam, ka esmu izvēlējis par vecticībnieku pārstāvi tieši ārsta Ivana Rošonoka personību ir vienlaikus objektīvi un subjektīvi iemesli. Es ceru, ka objektīvais kļūs skaidrs no turpmākā izklāsta. Bet subjektīvais iemesls daļēji ir tas, ka 2011. gada 20. septembrī Ivanam Rošonokam aprit 100 gadi. Subjektīvs iemesls ir arī tas, ka šo rindu autors kopš skolas gadiem draudzējas ar ārsta Rošonoka ģimeni un reiz, vēl būdams ļoti jauns, līdz ar viedu padomu – izlasīt, saņēma no viņa rokām Evaņģēliju. Pēc daudziem gadiem šim padomam bija konkrētas “sekas”. Rīgas Grebenščikova draudze uzaicināja nu jau Maskavas Vēstures un arhīva institūta absolventu izveidot Rīgā Vecticībnieku izdevniecību.

Žurnāls “Pomorskij vestņik” uzsācis labu tradīciju – nodaļu “Vecticībnieku likteņi”, kur tiek publicēti vecticībnieku ģimeņu ciltskoki un šo ģimeņu vēstures liecības. Nākotnē šis projekts var tapt vispārināts tēmā “Vecticībnieku diasporas vēsture Latvijā”.

Jums jāklūst stipriem u gudriem

Ivana Rošonoka senči nākuši no Baltkrievijas. Sākotnēji viņu uzvārds skanēja – Roščenkovs. Ģimenes nostāsti vēsta, ka Ivana vecvectēvs Matvejs sācis strādāt Rīgā iebraucamajā vietā par sētnieku. Bijis taupīgs, gādīgs, drīz vien nopircis zirgu un pats ķēries pie pārvadājumiem. Viņa dēls Stepanš vairojis mantību. Stepanam jau bijuši vairāki pajūgi, ligti kučieri un krāvēji. Bet Ivana Rošonoka tēvs Matvejs kļuva par Rīgas ģildes tirgoni, viņam Rīgā piederēja vairāki nami un tirdzniecības iestādes: tējnicas-ēdnīcas. Viņa sapnis bija nopirkt lielu lauku saimniecību, taču sākās Pirmais pasaules karš.

Kopš mazotnes Vaņa bija radis ik svētdienu doties uz lūgšanu namu. Kā daudzi vecticībnieku bērni, arī viņš lasīt mācījās no ābece un baznīcas grāmatām. Ģimenē bija arī citi bērni, taču divi brāļi nomira vēl mazi un palika tikai māsa Zinaīda. Kad Ivanam bija vienpadsmit gadi, un viņš vēl mācījās pamatskolā, ar smagu slimību aizgāja viņa tēvs. Tēvs no sirds vēlējās, lai dēls gūst labu izglītību un testamentu sacerēja tā, lai Ivans spētu izsisties ļaudīs. Viņa māte stāstījusi, ka sākumā Vaņa mācījies slikti, viņu pat atstājuši uz otru gadu, un neviens nav varējis saprast – kāpēc tas tā. Atklājies, ka viņam slikta redze, un viņš nespēj saskatīt, ko raksta uz tāfeles.

Kad stāvoklis labots, viņš izrādījis lielas zināšanu alkas un mācījies labi. Lai kā, kad viņš mācījās Valsts Rīgas krievu (Lomonosova) ģimnāzijā, īpašu iespaidu uz viņu atstāja pasniedzējs Kolosovs (vēlāk Latvijas Ģeogrāfijas biedrības loceklis). Ivans uzskatīja, ka Kolosovs bija dzimis pedagogs. Viņš vedināja skolēnus mīlēt grāmatas, ļāva izmantot savu mājas bibliotēku, mācīja konspektēt lasīto. To Ivans Rošonoks darīja visu savu turpmāko dzīvi. Skolotājs Nikolajs Kolosovs stāstīja saviem audzēkņiem taisnību par to, kas tolaik notika komunistiskajā Krievijā. Ivans atcerējās, ka skolotājs teicis: “Latvija – tā ir vieta, kur jūs esat dzimuši., bet Krievija – tā ir jūsu tēvija. Jums jācenšas kļūt stipriem un gudriem, lai jūs spētu, kad nāksies, aizstāvēt gan vienu, gan otru.”

Ģimnāzijā nodarbības vadīja pareizticīgo mācītāji. Taču skolniekus -vecticībniekus neviens nespieda apmeklēt pareizticīgo dievkalpojumus. Visus šos gadus Ivans Rošonoks apmeklēja vecticībnieku lūgšanu namu.

1929. gadā viņš pabeidza Krievu ģimnāziju un vasarā devās uz latviešu ciemu, lai pilnībā apgūtu latviešu valodu. Tas viņam izdevās spīdoši un palīdzēja iestāties Latvijas Universitātes medicīnas fakultātē.

Krievu patriots Latvijā

Visu savu dzīvi Ivans Matvejevičs ar pateicību atcerējās Lomonosova ģimnāziju, sajūsminājās par priekšmetu pasniegšanas līmeni, par mācību procesa organizāciju. Vairākums skolēnu bija vai nu krievu cilmes vai no jauktām ģimenēm. Viņi tika audzināti kā Latvijas patrioti, kā Latvijas valstij lojāli cilvēki, bet vienlaikus audzēkņi no sirds mīlēja savu etnisko dzimteni – Krieviju.

Revolūcija Krievijā, cara gāšana un komunistiskās despotijas iedibināšana noveda krievu tautu nabadzībā un apspiestībā. Tā uzskatīja gan ģimnāzijas

pasniedzēji, gan audzēkņi. Te izveidojās Ivana Rošonoka sabiedriski-politiskie uzskati. Tāpēc nav nekāds brīnums, ka viņš un viņa draugi (viņš stāstīja, ka viņam bijuši pieci sirdsdraugi, viens no viņiem – Aleksandrs nāca no slavenās porcelāna fabrikantu Kuzņecovu dzimtas) drīz vien pēc ģimnāzijas beigšanas iestājās ar pretboļševistiskiem, baltgvaru uzskatiem pazīstamajā krievu vingrošanas biedrībā “Sokol”.

Ivans aizrautīgi apguva medicīnas zinātni. Tolaik tika skoloti universāli ārsti. Ārstam bija jāprot viss: ij veikt operācijas, ij pieņemt dzemdības, ij noteikt ārstēšanas kursu. Viņš gatavoja sevi ārsta praksei Rīgas Latgales priekšpilsētā, kur pamatā dzīvoja nabaga ļaudis, tie, kam palīdzība bija sevišķi vajadzīga. Tolaik Universitātē kā mācībspēki darbojās daudzi pazīstami mediķi, tostarp profesori no Sanktpēterburgas Kara medicīnas akadēmijas. Viņu vidū – slavenais profesors Vasilij Kļimenko.

Vasaras brīvlaikā Ivans Rošonoks kopā ar savu draugu, vēlāk pazīstamo rentgenologu V. Kasinski, nolūkā papildināt profesionālās zināšanas, brauca stažēties Austrijas klīnikās. Turklāt viņš izbrīvēja laiku, lai ar draugiem apceļotu Latviju. Aizrāvās ar fotografēšanu. Viņa radinieki glabā mākslinieciskā un vēsturiskā ziņā vērtīgus latviešu un krievu ciemu, kolorītu personāžu, Latvijas dabas uzņēmumus. Vēl studentam Rošonokam atlika laiks un spēki, lai nodarbotos ar akadēmisko airēšanu.

1934. gadā Ivans Rošonoks sekmīgi pabeidza Universitāti un kļuva par Slimokases ārstu Latgales priekšpilsētā. Šis darbs prasīja pašizliedzību. Pieņemšana dzimtas namā Jersikas ielā nereti ilga no agra rīta līdz vēlam vakaram. Apkārtne dzīvoja daudz vecticībnieku un tiem viņš nespēja atteikt. Dakteris Rošonoks centās izmantot tautas līdzekļus: ārstnieciskos augus, bišu terapiju, dēles u.tml. Drīz vien viņš nodibina ģimeni, kurā līdz karam piedzimst divas meitas – Ksenija un Anastasija (vārdi doti godājot bojā gājušās cara Nikolaja II meitas).

Jau Universitātē Ivans Matvejevičs iestājas studentu korporācijā “Fraternitas Arctica”. Korporāciju tradīcijas sākotne meklējama viduslaiku Itālijas studentu brālību vēsturē. Šis studentu brālības prasa no saviem biedriem obligātu savstarpēju atbalstu un korporatīvās ētikas ievērošanu. Kā likums korporāciju biedri izcēlās ar to, ka viņu draudzība un savstarpējā palīdzība saglabājās visas dzīves garumā.

Viņš izglāba daudzus

Dalība biedrībā “Sokol” un korporācijā “Fraternitas Arctica” kļuva dakterim Rošonokam liktenīga. To ideāli – “Par Dievu, caru un tēviju!” nebija savietojami ar jauno realitāti. Jo vairāk tāpēc, ka Ivans nekad neslēpa savus uzskatus. Pēc padomju varas nodibināšanās Latvijā, 1941. gada jūnijā viņu arestēja. Var teikt, ka viņam “paveicās”, jo viņš bija starp pēdējiem, kurus iekļāva etapā no Rīgas Centrālcietuma. Sākās karš, vācieši uzbruka un visus pārējos ieslodzītos nošāva. Tie tagad guļ zem Baltā Krusta Pirmajos Meža kapos. Trīs viņa draugi 1944. gadā aizbrauca uz Vāciju (arī Aleksandrs Kuzņecovs). Aizbrauca arī māsa Zinaīda. Viens draugs gāja bojā latviešu leģiona rindās Kurzemē, vēl viens – pēc čekistu spīdzināšanām nomira trako namā.

Vladivostokas cietumā Ivanu Rošonoku apsūdzēja spiegošanā Vācijas labā. Sita, lai nosauc līdzzinātājus. Lai mitētos spīdzināt, viņš sauca jau mirušu cilvēku vārdus. Tā viņam “paveicās” vēlreiz: nepiesprieda “augstāko mēru”, bet 15 gadus nometnēs (pants 58, 1A).

Viņu nosūtīja uz sevišķi slepeno režīma nometni Džezkazgānā. Tur valdīja sals un bads. No pārmērīga darba un spēku izsīkuma Ivanam Matvejevičam sāka tūkt ne tikai kājas, bet viss ķermenis. Viņš stāstīja, kā pienācis brīdis, kad viņš iekšēji jau atvadījies no dzīves un burtiski izrāpojis no barakas, lai pēdējo reizi redzētu debesis. Bet sargeņģelis atkal iestājās par dakteri Rošonoku. *Zeks* Jānis Ozoliņš garāmejot burtiski paklupa pār mirstošo un pārsteigts pazina tajā savu novadnieku Rošonoku. Viņš aizveda dakteri uz sanitāro daļu un pavēstīja, ka zonā ir ārsts.

Bet ārsti zonā tolaik bija ļoti vajadzīgi. Bads un slimības plāva ieslodzītos bez mitas. Darbs sanitārajā daļā izglāba dakterim Rošonokam dzīvību. Un arī viņš kā ārsts izglāba daudzus GULAGa ieslodzīto dzīvības.

Vēlākos gados dakteris ar smaidu stāstīja, ka lēģeris kļuvis par viņa “akadēmiju”. Tur – zonā viņš satika krievu inteliģences virsotnes, cilvēkus, kurus citādi droši vien nebūtu sastapis nekad mūžā. Tur bija profesori, akademiķi, rakstnieki, dzejnieki, dažādu zinību nozaru speciālisti, kuri, neraugoties uz smago katorgas darbu, dzīvoja garīgā un intelektuālā saskarē. Palīdzēt un glābt savus nelaimes biedrus – to Ivans Matvejevičs uzskatīja par savu ārsta un kristieša pienākumu. Daži no tiem, kas izdzīvoja, kļuva viņa draugi uz mūžu. Starp tiem – bioloģijas profesors Vasilij Ciopkalo, pazīstamais ekonomists, profesors Markovs, ārsts Budņikovs, Nikolajs Amosovs, profesors Čiževskis un vēl citi.

Zīmīgs ir gadījums, ko piedzīvoja slavenā krievu rakstnieka Vladimira Nabokova radnieks Platons Nabokovs. Saskaņā ar nostāstiem, 1952. gadā, jau citā, Taišetas politieslodzīto specnometnē ārsts Rošonoks palīdzēja kādam nule ievestam slimniekam ilgāk palikt medicīnas daļā un pēc tam iekārtoja viņu turpat darbā par sanitāru. Tā viņš izglāba dzīvību Platonam Nabokovam. Pēc tam viņi un viņu ģimenes uzturēja draudzību ilgu gadu desmitus.

Brīnišķīga sirds

Taču par visnegaidītāko likteņa un GULAGa dāvanu Ivanam Rošonokam jau ieslodzījuma laika beigās kļuva tikšanās ar nākamo sievu.

Mirdza Avotiņa lēģeros nonāca daudz vēlāk par Ivanu Rošonoku. Pēc kara. Viņa bija Latvijas Universitātes medicīnas fakultātes studente, radikālās jaunatnes, padomju varas pretinieku grupas dalībniece. Viņu arestēja 1947. gadā. Prokurors prasīja sodīt Mirdzu Avotiņu ar nāvi, bet, tā kā viņai tolaik bija tikai deviņpadsmit, piesprieda desmit gadus. Tālāk – lēģeri, meža cirtes.

Pēc 1953. gada, pēc Staļina nāves režīma žņaugi mazliet atslāba. Ieslodzītos sāka labāk ēdināt. Taču uzradās cita nelaime – slimības, zarnu enterovīruss. Trūka ārstu. Un tā kā pēc kara trūka arī darba roku, *zekus* sāka ārstēt intensīvāk. 1954. gadā *Taišetlagā* tika organizēts seminārs cīņai ar enterovīrusu. Tur Mirdza Avotiņa uzzināja par ārstu no Rīgas. Tikšanās apvienoja viņu likteņus. Itin drīz Ivans Matvejevičs panāca, lai Mirdzu pārceļ uz viņa slimnīcu par medmāsu. 1955. gadā pienāca rīkojums par Mirdzas Avotiņas atbrīvošanu, bet dakteri Rošonoku GULAGs nelaida vaļā vēl divus gadus. Lai arī viņš jau dzīvoja nometinājumā, nebija speciālista ar ko viņu (slimnīcas 1000 gultām galvenais ārsts) aizstāt. Vēl 1956. gadā viņam neatļāva aizbraukt pat uz tik mīlās mātes bērēm.

Beidzot 1957. gads kļuva viņam par ilgi gaidīto brīvīšanas gadu. Ivans Matvejevičs atgriezās Rīgā vatenī, ar koka karoti un Sibīrijas laika kucēnu Džeku. Uz rokas viņam bija pulkstenis, kas rādīja Sibīrijas laiku (septiņu stundu starpība). Šo laiku pulkstenis rādīja visu atlikušo daktera dzīvi.

Visai drīz ārsts Rošonoks nodibināja jaunu ģimeni. Laimīgā laulībā piedzima meita Tatjana un dēls Pēteris. Abi kristīti Rīgas Grebenščikova dievnāmā.

Sākotnēji dakteri Rošonoku, saskaņā ar veselības aizsardzības ministra personisku prasību, grasījās nosūtīt uz patālāku provinci. Taču par viņu iestājās

izcilais ārsts, profesors Pauls Stradiņš un laika gaitā Ivans Rošonoks kļuva par ievērojamu speciālistu, kardiologu, reimatologu Stradiņa slimnīcā. Taču, lai cik liela nebija viņa pieredze un zināšanas, viņš nekad neļāvās rutīnai, neatļāvās ne pret vienu pacientu, lai kas viņš ar būtu, izturēties formāli, pavirši. Ārsta misija viņam bija daļa no kristieša pienākuma.

Lūk, ko 1969. gadā viņam rakstīja kāda paciente no Liepājas: “Nezinu kāpēc, bet guļot 26. nodaļā, man bija tāda drošības sajūta, ka nekad nekas man nevar notikt. Kāda tomēr liela nozīme ir, ja redzi dakteri lielo pašreizējību, uzupurēšanos un dažbrīd pat mīlestību pret slimnieku. Sevišķi man tas sakāms par Jums, jo guļot 26. nodaļā esmu redzējusi un zinu, kā rūpēties par saviem slimniekiem, lai tikai būtu labi un kļūtu veseli. Man ir tik liela ticība Jums, ka nespēju vairs citu dakteri nemaz iedomāties. Protams, šī doma ir par daudz egoistiska, jo Jūs gaida daudzi par mani smagāki slimnieki. Nav tiesa, ka Jums ir “cieta” sirds, kā gribējāt man iegālvot, kad atrados vēl uz galda pēc sirds ritma iestādīšanas. Jums, dakter, ir brīnišķīga, visu saprotoša sirds, kura jūt līdz katram, kam grūti. Par Jums jau daudz laba biju dzirdējusi Liepājā, bet neiedomājos, ka kādreiz nokļūšu pie Jums. Man bijusi nelaimē tomēr laime.”

Tajā vietā, kur stāvēja tēvs

Viņš bija ārsts no Dieva. To atzina gan tie, kas atbalstīja viņa uzskatus, gan tie, kas bija viņa nesamierināmi pretinieki. Dakteris Rošonoks ļoti godbijīgi izturējās pret medicīnas personālu, augstu vērtēja medicīnas māsu smago darbu. Viņam neeksistēja darba laika reglaments. Smagos slimniekus viņš uzraudzīja arī naktīs.

Vēl viena viņa īpatnība bija uzsvērtā interese par dažādām medicīnas nozarēm. Tostarp arī par austrumu elpošanas vingrinājumiem, par ārstēšanu ar badošanos utt. Visus eksperimentus viņš pirmām kārtām veica pats ar sevi.

Izturējies pārbaudījumu ar Staļina lēģeriem, Ivans Matvejevičs tomēr nebaidījās paust savus uzskatus. Rošonoku mājā varēja apspriest jebkuru tēmu. Tur lasīja Varlama Šalamova stāstus par GULAGu. Ar rakstāmmašīnu drukātais teksts tika dots uz vienu nakti, tāpēc tā lappuses ceļoja no viena pie otra. Uz Ivana rakstāmgalda atradās Aleksandra Solžeņicina ģimetne. Goda stūrī, kā pienākas, vecāku ikona ar lampādu.

Ārsts Rošonoks naktīs nereti tika izsaukts uz specslimnīcu pie kompartijas veterāniem. Viņš nekad neatteica, viņš palīdzēja visiem, neatkarīgi no

pārlicības un tautības. Nācās ārstēt arī partijas bonzas, LKP CK locekļus un viņu radniekus. Arī Juriju Rubeni un citus. Tas deva viņam lielāku iekšēju brīvību, un sargāja no represijām.

Slepus no ģimenes, lai pasargātu to no sekām, viņš piedalījās ziedojumu vākšanā akadēmiķim Andrejam Saharovam, kad Saharovs nonāca trimdā.

Ivana Rošonoka arhīvā saglabājusies daļa no viņa sarakstes ar pazīstamo biologu un ģenētiķi, profesoru Aleksandru Ļubiščevu, kurš tajos gados bija kritis nežēlastībā kā akadēmiķa Nikolaja Vavilova sekotājs. Akdēmiķis Vavilovs cīnījās pret Trofima Lisenko mācību un selekcijas zinātnes degradāciju. Pārsteidzošs ir abu draugu – profesora Ļubiščeva un ārsta Rošonoka – interešu loks: tajā ietilpst gan ģenētika, gan senās Novgorodas vēstures problēmas, Teijāra de Šardēna filozofija, Servantesa daiļrades analīze un, protams, mūsdienu sabiedrības problēmas. Tas bija īsais Hruščova atkušņa laiks.

Likās, ka Rošonoku mājokļa durvis ir allaž vaļā. Te vienmēr varēja satikt gan krievu, gan latviešu inteligences pārstāvjus. Nereti – pretēju uzskatu cilvēkus. Šajā mājā bieži viesi bija Latvijas medicīnas spīdekļi: profesors Konstantīns Bogojavlenskis, profesors Serafims Iljinskis. Ivans Matvejevičs nereti viesojās pie profesora Paula Stradiņa, draudzējās ar profesora Kristapa Rudziša ģimeni. Šis saraksts varētu būt ļoti garš.

Protams, te viesojās arī vecticībnieki. Septiņdesmito gadu beigās Ivans Matvejevičs kļūst par Rīgas Grebenščikova draudzes *divdesmitnieka* locekli. Padomju laikā tas nozīmēja papildus atbildību un slodzi. Kopā ar bērniem viņš apmeklēja dievkalpojumus, katram no viņiem dievnamā bija sava vieta. Ilgus gadus viņš uztur ciešas, draudzīgas attiecības ar Grebenščikova draudzes garīgo tēvu Lavrentiju Mihailovu, ar Ivanu Zavoloko. Pēdējam turklāt bija īpaši nepieciešama ārsta palīdzība. Bet visbiežāk pie Rošonokiem, šķiet, viesojās viens no vecākajiem Grebenščikova draudzes locekļiem, tās klēra loceklis Pēteris Aleksejevs. Viņš bija kā neizsmejama dažādu vecticībai, visdažādākajiem vēstures atzariem pievērstu stāstu krātuve. Viņus vienoja vēstures, grāmatu un savas Baznīcas mīlestība.

Būdams lielisks ārsts, Ivans Rošonoks bija talantīgs arī savā nesavtībā un ticībā. Starp ģimenē glabātām vēstulēm ir arī kāda vēstule dēlam Pēterim: “Mans dēls! Mans vienīgais, pats labākais, ar visiem Taviem trikiem, kuru nemainīšu pat pret pašu labāko bez trikiem! (..) Paldies par to, ka kopā ar mani stāvi dievnamā tajā vietā, kur stāvēja mans tēvs, bet Tavs vectēvs. Paldies, ka met

krustu plaši atvēzies. Tā krustijās un krustās krievi jau tūkstoš gadus. Ar krustu, kas palīdzēja mūsu tautai pārciest gan kņazu savstarpējās ķildas, gan tatāru jūgu. Palīdzēja izdzīt no mūsu zemes ij turkus, ij poļus, ij vācus, ij zviedrus, ij frančus. Palīdzēja izciest gan dzimtbūšanu, gan revolūciju, kura iznīcināja labākos ļaudis abās pusēs, gan kulaku tīrīšanas, kas iznīcināja krievu zemnieku, gan XX gadsimta atilas, “tēva, vadoņa un skolotāja” sarīkotā slaktiņa šausmas. Kāds gan lepnums plūst manā dvēselē, kāds prieks plūst katra dievnamā ienākuša cilvēka dvēselē, kad tu, pakāpies klērā, krusties kā pienākas un liec sveci pie svētbildes par visu cilvēku laimi uz zemes. Es Tev parādīju Nikolaja Brīnumdara ikonu, pie kuras es lieku sveci par sevi, pie Dievmātes – par mūsu ģimeni, un pie Kristus – par mūsējiem, par aizgājušiem tuviniekiem.”

Diemžēl dēls Pēteris nomira dzīves plaukumā (1961.–1996.). Taču dzimta nebeidzas. Dzīvo meitas, mazbērni, mazmazbērni.

Mīlestība neaizmirst

Ivans Matvejevičs vienmēr daudz strādāja, taču likās, ka viņš nav nogurdināms. Tomēr – 1982. gada 28. janvārī, septiņdesmit otrajā dzīves gadā smaga slimība aprāva viņa esību šaisaulē. Bēru ceremoniju Grebenščikova dievnamā vadīja tēvs Lavrentijs Mihailovs. Apglabāts Ivans Rošonoks apglabāts dzimtas kapos Ivana kapsētā.

Trīsdesmit gadi kopš ārsta Ivana Rošonoka nāves nav pakļāvuši aizmirstībai viņa piemiņu ne tikai viņa tuvinieku, bet arī Rīgas vecticībnieku saimē. Viņa liktenī skatāmas gan Latvijas vecticībnieku, gan visas Latvijas tautas pamatiezīmes XX gadsimtā. Pacēlums, briedums un tapšana Pirmās republikas laikā, Otrā pasaules kara un Staļina lēģeru pārbaudījumi. Kā arī pakāpeniska atdzimšana pēc tam un vēlme, neraugoties uz padomju laika slogu, darīt cilvēkiem labu. Ārsta Ivana Rošonoka personība saista pirmām kārtām ar to, ka tajā dabiski un harmoniski kā viens vesels pastāv gan savas Baznīcas un tālās tēvzemes – Krievijas, gan arī savas daudzcietušās dzimtenes – Latvijas mīlestība. Ļoti svarīgi arī tas, ka šī mīlestība nekad netika sludināta, tā nebija deklaratīva. Tā bija viņa dzīves būtība.

Ivans Rošonoks vienmēr ticēja, ka taisnība uzvarēs un Latvija atgūs neatkarību. Sarunās ar tuviniekiem viņš teica, ka tad, ja Pirmā republika tiks atjaunota,

viņa sapnis ir – kļūt par Latvijas vēstnieku Krievijā... Taču pēdējos dzīves gados ārstam Rošonokam bija arī cits sapnis – pamest laicīgos darbus un iestāties Grebenščikova dievnama klērā. Diemžēl tam nebija lemts piepildīties.

Noslēgumā gribu no sirds pateikties Ivana Rošonoka tuviniekiem un pirmām kārtām Mirdzai Rošonokai par sniegtajiem materiāliem, bez kuriem šis raksts nebūtu iespējams.

Maksims Pašiņins,
Latvijas Vecticībnieku Pomoras Baznīcas
Centrālās padomes loceklis,
Vecticībnieku literatūras izdevniecības "Tretij Rim"
galvenais redaktors

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Ивана Матвеевича РОШОНКА. (О. Алексей ЖИЛКО)	3
Судьба доктора И. М. РОШОНКА как пример жизненного пути латвийского старовера в XX веке. (Максим ПАШИНИН)	6
Вы должны стать сильными и мудрыми.....	6
Русский патриот в Латвии.....	8
Он спас многих	9
Сердечный доктор	11
На месте своего отца.....	12
Вечная память.....	14
Семейный альбом	16
С восхищением и любовью	39

SATURS

Ģimenes albums	16
Ar sajūsmu un mīlestību.....	39
Ivana ROŠONOKA piemiņai. (Tēvs Aleksijs ŽILKO)	51
Ārsta Ivana ROŠONOKA (1911.–1982.) liktenis kā Latvijas vecticībnieka dzīves ceļa piemērs XX gadsimtā. (Maksims PAŠIŅINS)	54
Jums jākļūst stipriem u gudriem	54
Krievu patriots Latvijā.....	55
Viņš izglāba daudzus	57
Brīnišķīga sirds	58
Tajā vietā, kur stāvēja tēvs	59
Mīlestība neaizmirst	61

Отпечатано в типографиях:

Рижской Гребенщиковской
старообрядческой общины,
Рига, ул. Маза Краста, 73

SIA "JUMI", Рига,
Рига, ул. Лиенес, 19

Сброшюровано в типографии
Рижской Гребенщиковской
старообрядческой общины